

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВѢСТИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ
МАЙ, 1908 Г.

АНДИЖАНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ И ЕГО ПРИЧИНЫ.

ВЪ ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Исторического Вѣстника» 1907 г. помѣщена интересная статья г. Ювачева подъ заглавiemъ «Курбанъ-Джанъ-датха, каракиргизская царица Алая».

Въ этой статьѣ, между прочимъ, сказано нѣсколько словъ объ извѣстной попыткѣ минь-тюбинскаго ишана Дукчи поднять газаватъ—попыткѣ, закончившейся андижанской рѣзней въ маѣ 1898 года и казнью виновныхъ.

Въ печати нѣсколько разъ передавалась фактическая сторона андижанского возстанія, причемъ какъ раньше, такъ и въ статьѣ, о которой я упоминалъ выше, событие это излагалось не достаточно полно по своему внутреннему смыслу, съ пропускомъ нѣкоторыхъ характерныхъ отг҃енковъ и къ тому же всѣми оно освѣщалось нѣсколько односторонне, безъ попытки дать иную, болѣе глубокую и безпристрастную оцѣнку причинамъ, вызвавшимъ этотъ прискорбный эпизодъ. Мнѣ кажется, нынѣ настало время пролить нѣсколько свѣта на эту темную страничку въ исторіи нашего управления Туркестанскимъ краемъ.

Изложу вкратцѣ фактическую сторону этого дѣла.

Въ ночь съ 17-го на 18-е маѣ 1898 года вспыхнуло въ Ферганской области восстание мусульманъ, которое хотя было чрезвычайно кратковременно и имѣло характеръ по виду мѣстный, но въ глубинѣ своей хранило причины большої важности.

По имени города Андіжана, на гарнизонъ котораго обрушились послѣствія восстания, восстание носить у нась имя «андіжанскаго».

Главныя обстоятельства этого происшествія были слѣдующія:

Шайка мусульманъ, въ составѣ около 2000 человѣкъ (1000 человѣкъ конныхъ и 1000 пѣшихъ) подъ предводительствомъ миньтюбинскаго¹⁾ ишана Магометъ-Али-Халифа, вдохновленная фанатизмомъ, подъ знаменемъ пророка (газаватъ) напала на лагерь войскъ андіжанскаго гарнизона. Пользуясь темнотой, мусульмане подкрались къ крайнему бараку, въ которомъ спали люди трехъ взводовъ 4-ой роты 20-го Туркестанскаго линейно-кадроваго батальона, окружили баракъ и, ворвавшись въ него, начали убивать безпомощныхъ солдатъ. Благодаря присутствію духа пробудившихся нижнихъ чиновъ, нападающіе были вскорѣ отбиты, причемъ жертвой нападенія были 21 убитыхъ, 14 тяжело раненыхъ и 5 легко раненыхъ нижнихъ чиновъ. Какъ оказалось изъ произведенаго разслѣдованія, нападеніе это не было слѣствіемъ какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, но носило характеръ заранее обдуманного предпріятія, которое если не разразилось въ катастрофу болѣе ужасную, то лишь благодаря случайности, соединенной съ отсутствіемъ у нападающихъ надлежащихъ средствъ къ борьбѣ, а также низкому уровню культуры нападающихъ, не имѣвшихъ возможности бороться съ противникомъ, превосходящимъ значительно ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ высшей степени интересна личность главы заговора—ишана Магомета - Али; будучи еще мальчикомъ, ишанъ обнаруживалъ склонность къ религіознымъ размышленіямъ и сталъ сначала послѣдователемъ пайтокскаго ишана Султанъ-хана-Тюри, а впослѣдствіи его ближайшимъ мюридомъ. Послѣ смерти своего учителя, ишанъ сталъ его преемникомъ, принявъ званіе «халифа»²⁾; преемство же Султанъ-хана въ халифствѣ возводилось къ Магомету-Богаэтдину, знаменитому святыму Средней Азии, основателю самаго вліятельнаго изъ средне-азіатскихъ дервишскихъ орденовъ, носящаго название «Накши-бенди». Въ 1887 году ишанъ совершилъ «хаджи» въ Мекку, гдѣ, по преданію, у гроба пророка Магомета получилъ откровеніе отъ Бога, что онъ долженъ ишанствовать 10 лѣтъ, а по истеченіи этого времени объявить «газаватъ». По возвращеніи своемъ на родину, ишанъ приобрѣлъ большую популярность среди правовѣрныхъ своимъ постояннымъ сочувствіемъ къ бѣднымъ и своей особой религіозной силой, которую, по повѣрю простого народа, онъ обладалъ. По мѣрѣ того, какъ росла его известность, росло число его послѣдователей («мюри-

¹⁾ Названаго такъ по имени кишлака Минь-тюбе Опскаго уѣзда, гдѣ родился ишанъ.

²⁾ Что значитъ—намѣстникъ пророка Магомета.

довъ»); какъ духовный руководитель и наставникъ вѣры, отли- чавшійся строгимъ безкорыстiemъ, блюститель нравственности и обычаевъ предковъ, врачъ и совѣтникъ во всевозможныхъ вопросахъ жизни, Магометъ-Али пользовался громаднымъ авторитетомъ среди населенія и слава обѣ его святости распространялась далеко за предѣлами Ферганы (например, у одного изъ его самыхъ приближенныхъ мюридовъ, Идоятъ-хана, нашли письмо, въ которомъ одинъ изъ учениковъ («суфій») сообщалъ, что даже въ Токмакѣ, Пишпекскаго уѣзда Семирѣченской области, есть заочные послѣдователи ишана).

Зимою 1897 года къ ишану явился нѣкто Хаджи-Абду-Джалиля-Миръ-Садыкъ-Карыевъ, выходецъ изъ Константинополя, который будто бы передалъ ишану волосъ изъ бороды пророка, а также грамоту, присланную отъ турецкаго султана, вмѣстѣ съ халатомъ отъ падишаха и уговаривалъ ишана отъ имени султана начать «газаватъ» противъ невѣрныхъ.

Нужно знать экзальтированную натуру мусульманъ и ту громадную энергию, которую возбуждаетъ въ нихъ всякий жизненный вопросъ, связанный съ вопросами религіи и непосредственнымъ соприкасающійся съ священными мѣстами или лицами, чтобы понять состояніе фанатика-ишана въ этотъ моментъ, помнившаго еще къ тому же откровеніе Божіе, котораго онъ будто бы удостоился у гроба пророка.

Подогрѣтый откровеніемъ и посылкой грамоты съ халатомъ отъ самого падишаха¹⁾, ишанъ началъ энергично и весьма умѣло дѣйствовать на умы и сердца своихъ послѣдователей въ желаемомъ направлениі. Достиженіе этой цѣли значительно облегчалось настроениемъ туземнаго населенія Ферганы, покоренной нами недавно, населенія, пытавшагося неоднократно поднимать вооруженное восстание противъ русскихъ: въ 1878 году было восстание подъ предводительствомъ Джетымъ-хана, повѣшенного въ Андижанѣ; въ 1882 году объявленъ газаватъ съ ханомъ во главѣ и виновные были повѣшены въ Андижанѣ; въ 1885 году замѣчалось движеніе въ уѣздахъ Маргеланскомъ и Андижанскомъ, созданное Дервишъ-ханомъ; въ 1893 году была попытка объявить газаватъ со стороны Собиръ-хана и наконецъ восстаніе 1898 года. Я пока не буду касаться причинъ этихъ восстаній, къ изложенію которыхъ перейду ниже, здѣсь же постараюсь закончить фактическую сторону дѣла.

День объявленія «газавата», хранился въ тайнѣ; ближайшіе довѣренныи люди ишана узнали о немъ лишь 13—14-го мая; большинство же до кануна происшествія не было совершенно посвя-

¹⁾ Достовѣрность того, что посланникъ былъ отъ султана, подвержена до настоящаго времени большимъ сомнѣніямъ.

щено въ это дѣло, имъ лишь было объявлено, чтобы по приказанию они собирались въ известныя мѣста и исполняли то, что будетъ приказано.

Этимъ отчасти объясняется, почему наша администрація узнала такъ поздно о готовящемся событии.

Для приобрѣтенія необходимыхъ материальныхъ средствъ въ серединѣ февраля 1898 года въ Кокандѣ появились подложныя письма къ богатымъ туземцамъ съ требованіями, чтобы они приготовили «зякетъ»¹⁾ за послѣднія 15 лѣтъ, чтобы люди «Сахиби-хуруджа»²⁾, въ случаѣ газавата, могли имѣть эти деньги. Подобный фактъ нашей администрацией былъ соченъ за обыкновенный шантажъ.

Между тѣмъ въ домѣ ишана происходили совѣщенія, которыя привлекали все большее число послѣдователей; самъ ишанъ въ этихъ совѣщеніяхъ лично не участвовалъ, а дѣйствовали его приближенные, какъ, напримѣръ, Мулла-Зіяутдинъ, казначей и главнѣйший приближенный, и другіе.

Въ апрѣлѣ у ишана было такое громадное соборище народа, что многіе, за неимѣніемъ мѣста на дворѣ и въ мечети, молились на улицѣ. Въ концѣ апрѣля ишанъ далъ своимъ приближеннымъ для раздачи 190 «чакрукатъ», или пригласительныхъ писемъ, за малой печатью самого ишана; эти письма были развезены вліятельнымъ мусульманамъ, жившимъ между Нарыномъ и Карадарьей, и въ нихъ заключалось распоряженіе собраться всѣмъ близъ кишлака Минь-тюбе.

Въ подтвержденіе своей вѣрности нѣкоторыя должностныя лица туземной администраціи приложили печати къ особенному письменному возванію ишана³⁾.

Организація газавата была предположена слѣдующая: главное нападеніе, подъ начальствомъ самого ишана, должно было быть произведено на Андижанъ, гдѣ, вырѣзавъ гарнизонъ и овладѣвъ крѣпостью, мусульмане покончили бы съ остальнымъ русскимъ населеніемъ; это главное нападеніе должны были сопровождать

¹⁾ Подать.

²⁾ Въ переводѣ: «вновь воцарившагося».

³⁾ Возваніе гласило слѣдующее:

«Богъ создалъ изъ ничего 18,000 міровъ, въ которыхъ, далъ человѣку совершенный образъ, возвысивъ его надъ остальными существами, и отца нашего Адама короновалъ халифомъ. Весь міръ создалъ для нашего пророка, сдѣлавъ его къ себѣ болѣе близкимъ и, посадивъ его на почетный тронъ, Богъ обратился къ нему, говоря: «О пророкъ, да будетъ война съ немусульманами и отступниками отъ вѣры», за что обѣщалъ рай, если будутъ вѣрными и приближенными его рабами. Четыре преемника пророка, давая наставленіе народу, сказали: «Кто пожертвуєтъ для Бога и пророка своимъ имуществомъ и жизнью ради газавата, тотъ будетъ подобенъ намъ». Для удержанія недостойныхъ людей написали книгу и послали для памяти. Слѣдовательно, теперь намъ нужно и обязательнно, какъ

другія, на Ошъ и Маргеланъ. Для организаціи нападенія на Ошъ соображеніи ишана должны были собраться въ горахъ Науката, на мѣстности Акъ-Терекъ, подъ предводительствомъ Умарбека; сборный пунктъ — Тамчи-Булакъ, въ 12 верстахъ отъ Оша; сюда должны были собраться Умарбекъ-датха, жители яппалакскаго общества, Сатты-бай съ онцами и мелкія партіи изъ остальныхъ мѣстъ.

Руководителемъ нападенія на Маргеланъ былъ назначенъ старо-маргеланскій житель, ишанъ Инаятъ-ханъ. Послѣднія два нападенія не состоялись.

Въ ночь на 14-ое и 16-ое мая у ишана послѣдовательно собирались сходки: изъ нихъ на первой онъ объявилъ свой планъ и раздавалъ халаты, на второй же было объявлено, что, по сверженіи русскаго владычества, ханомъ предназначался племянникъ ишана Абдула-Азисъ, 14-тилѣтній мальчикъ. Кромѣ того, въ послѣдніе дни ишанъ при всякихъ собраніяхъ объявлялъ въ мечети о полученіи клятвы отъ вліятельныхъ лицъ, подтверждалъ о безпрекословномъ повиновеніи и прибавлялъ, что сборъ назначается на воскресенье вечеромъ у Замберъ-била, что на холмахъ подъ Андижаномъ.

Вечеромъ 17-го мая, въ 8 часовъ, ишанъ во главѣ толпы въ 200 человѣкъ выступилъ изъ кишлака Минь-тюбе, выславъ впередъ особый отрядъ киргизовъ подъ начальствомъ Мулла-Ахмеда, съ приказаниемъ прервать телеграфное сообщеніе; отрядъ ишана состоялъ изъ двухъ частей, имѣвшихъ каждая свой значокъ (байракъ); первой частью начальствовалъ Мулла-Зіяутдинъ — душа заговора. Всѣ участвовавшіе были снабжены «мисвяками» (палочками въ видѣ зубочистокъ), розданными ишаномъ какъ амулетъ, предохраняющій отъ смерти. Изъ Минь-тюбе путь ишана шелъ на кишлакъ Кутчи, гдѣ къ нему присоединилось еще 200 человѣкъ, на кишлаки Карап-Курганъ и Охчи; здѣсь ишаномъ былъ совершенъ намазъ, послѣ чего послѣдовали далѣе на Кулю; въ этомъ кишлакѣ волостной управитель согналъ народъ, а за Кулей къ ишану вышли навстрѣчу 150 человѣкъ андижанцевъ, высланныхъ бо-

признающими себя рабами Бога и послѣдователями пророка, объявить газаватъ. Во-первыхъ, для Бога и пророка, мы должны быть побѣдителями на священной войнѣ, и, во-вторыхъ, покрѣповать жизнью въ священной войнѣ. Мы, ниже приложившіе печати, давъ обѣщаніе Богу и пророку и имѣя среди себя коранъ, совершили договоръ съ халифомъ своимъ. Послѣ этого, если по наущенію шайтана изъ себѧ любія или изъ опасенія за свою жизнь, мы, оробѣвъ, откажемся и не исполнимъ нашего обѣщанія, да будемъ мы достойны ада, да почернѣютъ въ обоихъ мірахъ наши лица, да будемъ въ день страшнаго суда посрамлены и опозорены. Въ удостовѣреніе чего приложили печати».

Собственно, вѣрнѣе, это не воззваніе, а клятвенное обѣщаніе, которое ишанъ, вѣроятно, взялъ, желая прозондировать надежность своихъ послѣдователей; на судѣ оно служило несомнѣнной уликой противъ подписавшихся.

гатымъ андижанскимъ купцомъ Алибай-бай-бачей. Далѣе шествіе направлялось черезъ Раватъ-Дарханъ, Сары, Куи, Найдыкъ, Кунчи-Каирму и Шамсутдинъ (или Данъ-кишлакъ) къ Андижану. Передъ въездомъ въ Андижанъ ишанъ снова совершилъ намазъ на холмахъ городского предмѣстя и направился къ лагерю, гдѣ мирно, не ожидая готовящейся имъ ужасной опасности, спали русскіе солдаты.

Результатъ нападенія и дальнѣйшія события извѣстны.

Такимъ образомъ, изъ изложенного можно видѣть, что андижанская рѣзня была лишь незначительнымъ проявленіемъ широко задуманного плана сверженія русскаго владычества въ Ферганѣ.

Свободолюбивое, какъ вообще всѣ народы, населяющіе горы и предгорья, населеніе Ферганы попыталось лишній разъ напрячь свои силы, чтобы освободить себя отъ чего-то тяжелаго, что не укладывалось одновременно съ жизнью мусульмана.

Что же это за цѣпи, которая пытались сбросить съ себя жители Ферганы; явилось ли это какъ слѣдствіе фанатизма изувѣровъ, или же иныхъ причинъ?

Точно решить эту задачу не представляется возможнымъ; можно лишь подвергнуть анализу обстановку, какъ предшествовавшую, такъ и сопровождавшую андижанскій эпизодъ.

Официальное слѣдствіе, произведенное съ цѣлью раскрытия истинной причины возстанія 1898 года, выяснило, что эта причина заключалась почти исключительно въ фанатизмѣ мусульманъ, имѣющемъ въ своемъ основаніи религіозную нетерпимость къ своимъ повелителямъ — кяфирямъ; тлѣвшій въ населеніи фанатизмъ ждалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы развиться въ пламя. Въ официальныхъ дѣлахъ посему андижанская рѣзня ставилась въ исключительную зависимость отъ появленія ишана, его всеобщей популярности, намекалось на участіе въ этомъ дѣлѣ турецкаго султана и афганскаго эмира, но далѣе этого не шло. Власти, выяснявшія причины этого прискорбнаго эпизода, по упущенію или же умышленно, совсѣмъ исключали возможность того, что недовольство вообще проявляется лишь тамъ, гдѣ для этого есть благопріятная почва.

Слѣдовало бы имѣть гражданское мужество выяснить, не было ли и въ этомъ случаѣ благопріятствующихъ катастрофъ внутреннихъ обстоятельствъ.

Считаю необходимымъ добавить, что живущіе, или же жившіе болѣе или менѣе продолжительное время въ Средней Азіи русскіе врядъ ли ощущали на себѣ, безъ всякаго повода съ своей стороны, проявленіе фанатизма отъ туземныхъ жителей. Я не говорю о случаяхъ исключительныхъ; фанатики среди туземцевъ Средней Азіи есть, но случаи встрѣчъ съ ними настолько рѣдки и число ихъ такъ невелико, что подобные случаи рассматриваемы какъ обычное явленіе быть не могутъ.

Взглядъ на этотъ вопросъ нашей высшей административной власти получилъ свое объясненіе въ рапортѣ по этому дѣлу командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа на имя военнаго министра въ августѣ 1898 года.

Въ доказательство того, что единственной причиной возникновенія андижанской рѣзни являются фанатизмъ мусульманъ и побочныя причины, исходившія извѣтъ нашихъ владѣній въ Туркестанѣ, приводилось слѣдующее: въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1898 года, имѣлись положительныя свѣдѣнія, что въ Среднюю Азію султаномъ было послано 8 офицеровъ генерального штаба, вѣроятно, съ цѣлью вызвать броженіе туземнаго населенія на религіозной почвѣ въ какихъ-либо политическихъ цѣляхъ.

Офицеры эти найдены не были, а поэтому и посылка ихъ подвержена большому сомнѣнію.

Тамъ же, въ донесеніи командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа говорилось, что со стороны Афганістана, *надо думать*¹⁾, также производилась агитациѣ; предположеніе это базировалось главнымъ образомъ на донесеніи начальника памирскаго отряда о появлѣніи въ Ферганѣ трехъ таджиковъ, относительно которыхъ есть *основаніе предполагать*¹⁾, что они явились въ качествѣ лазутчиковъ и прибыли въ Маргеланъ какъ разъ передъ самымъ нападеніемъ на Андижанъ.

Не трудно видѣть, что эти основанія очень шаткія для того, чтобы допустить въ этомъ дѣлѣ участіе Турціи и Афганістана. Кто эти таджики? Зачѣмъ они прїѣхали? Все это не выяснено.

Далѣе тамъ же, въ подтвержденіе вышеуказанныхъ предположеній, приводилось донесеніе начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла, въ февралѣ 1897 года, которое гласило, что въ январѣ того же года изъ Константинополя въ Хиву прїѣзжалъ вліятельный мусульманъ Сейдъ - Селихъ - Эффенди, привезшій хивинскому хану священные финики и воду; посланецъ останавливался у дяди хана, часто посѣщалъ нашего вассала и получалъ отъ него значительные подарки деньгами и вещами; при опросѣ въ Петро-Александровскѣ посланецъ предъявилъ паспортъ, выданный ему изъ Константинополя, и сообщилъ, что былъ въ Хивѣ по торговымъ дѣламъ, прожилъ тамъ 28 дней и товару имѣлъ на 800 рублей. Сообщить, какую сумму денегъ имѣетъ при себѣ, отказался, но заявилъ, что въ сундукахъ у него есть значительная сумма.

Кто онъ былъ, этотъ Сейдъ? Дѣйствительно ли посланецъ султана, или, быть можетъ, обыкновенный «хаджи», который, чтобы получить отъ хана подарки, привезъ ему финики и воду изъ колодца «зямゼнъ»—обычныя приношенія хаджей? Правда или ложь

¹⁾ Курсивъ нашъ.

его показаний? Обо всемъ этомъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ официальныхъ документахъ не имѣется.

Въ томъ же донесеніи туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками округа совершенно голословно говорилось, что имѣются будто бы и другія свѣдѣнія, что турецкіе эмиссары не только занимались сборомъ пожертвованій въ пользу халифа, но, по слухамъ, иногда занимались пропагандой идеи «газавата»; фактовъ, какъ доказательствъ, къ этому не приводилось.

Въ заключеніе дѣлался выводъ, что, несмотря на всѣ выгоды, которыя даетъ туземцамъ наше господство въ Средней Азіи, едва ли туземное населеніе въ состояніи помириться съ нашимъ владычествомъ и врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ слиянія его въ чувствахъ преданности государю и государству съ остальнымъ народомъ русскимъ.

Заключеніе нѣсколько поспѣшное, не обоснованное и съ большой дозой личнаго предположенія.

Итакъ, казалось бы, что на основаніи сказаннаго мною выше, участіе въ андижанскомъ восстаніи эмиссаровъ мусульманскихъ государствъ можно считать не доказаннымъ, а религиозная нетерпимость мусульманъ къ русскимъ въ данномъ случаѣ являлась скорѣе всего средствомъ, но не цѣлью.

Сдѣлаемъ попытку освѣтить вопросъ о причинахъ андижанскаго и подобныхъ ему восстаній съ другой стороны.

Если внимательно разсмотрѣть исторію отдѣльныхъ мусульманскихъ ханствъ и даже государствъ, то можно увидѣть, что всѣ перевороты, совершившіеся въ области правленія, вѣтшне не выражались въ проведеніи въ жизнь какой-либо глубокой идеи; въ мусульманскихъ владѣніяхъ не было революцій, а были только перевороты съ цѣлью, свергнувъ одного тирана, поставить надъ собой другого, болѣе худшаго. Отсутствіе глубокой идеи въ причинахъ историческихъ переворотовъ восточныхъ мусульманскихъ ханствъ объясняется сравнительно низкимъ уровнемъ культуры мусульманскаго народа, его забитостью и своеобразнымъ духовнымъ мѣромъ, и въ то время, когда въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ совершались революціи во имя идей равенства, свободы, братства и др., у мусульманъ, при выраженіяхъ протеста, неизмѣнно фигурировало зеленое знамя пророка, покрывавшее собою всѣ истинныя причины событий. Такимъ образомъ фанатизмъ являлся лишь маской, такъ какъ другой великой, побуждающей къ протесту, силы, кроме религіи, въ народѣ не было. Слѣдовательно, фанатизмъ былъ побочной причиной, за которой слѣдовало искать другихъ—истинныхъ причинъ недовольства мусульманъ.

На допросахъ своихъ ишанъ показывалъ, что его постоянно беспокоила сильная порча нравовъ въ народѣ, которая, насколько

можно было понять, выразилась въ развратѣ, пьянствѣ, азартныхъ играхъ, въ ослабленіи семейныхъ началь и въ разнообразныхъ отступленіяхъ отъ требованій и законовъ шариата. Замѣчая все это, ишанъ описывалъ подробно положеніе дѣлъ въ Ферганѣ турецкому султану и, скорбя душой, будто бы просилъ его заступничества предъ нашимъ императоромъ о принятіи мѣръ къ востановленію жизни по шариату, опасаясь, чтобы уклоненіе отъ сего «не вызвало гибѣя Божія на русскія власти».

Завоевавъ Туркестанъ, русскіе встрѣтили малознакомый имъ міръ—міръ мусульманскій; необходимъ былъ опытный государственный умъ, который далъ бы сразу надлежащее направление будущему управлению новымъ краемъ,—управлению строго согласованному съ бытомъ религіей и вѣрованіемъ вновь покоренного народа. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, сознавалъ вполнѣ важность подобного вопроса и слѣдствіемъ сего явилось положеніе объ управлении краемъ, введенное въ 1867 году; наименовавъ управление края «военно-народнымъ», генералъ Кауфманъ видѣлъ, что русскимъ нѣтъ никакой надобности ломать вѣковые обычай въ жизни и управлениіи мусульманскаго народа, а потому, сохранивъ за русской администрацией лишь высшій контроль по наблюденію въ краѣ русскихъ интересовъ, частности предоставилъ самимъ туземцамъ. Хотя въ его управлениі были тѣ же уѣздные начальники, что и нынѣ, но дѣятельность ихъ опиралась на болѣе прочные устои, чѣмъ теперь; она (т. е. дѣятельность) находила полезную помощь въ административныхъ лицахъ, выбранныхъ изъ надежныхъ туземцевъ, съ хорошими окладами содержанія и съ сохраненіемъ управления вполнѣ по упрочившемуся вѣкамъ шариату. Положеніе объ управлении краемъ генерала Кауфмана, умершаго въ 1882 году, замѣнено было новымъ, и съ этого времени замѣчается полный упадокъ существовавшаго доселѣ порядка; новое положеніе радикально измѣнило существовавшее доселѣ, введя участковыхъ приставовъ, помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ—русскихъ офицеровъ, лишь съ переводчиками при управлениихъ изъ туземцевъ¹⁾,—это положеніе совершенно измѣнило изъ участія въ управлениі туземный элементъ, передавъ это дѣло исключительно въ русскія руки²⁾, а самый общій строй управлениія народомъ не отѣchalъ представленію мусульманъ о власти, которая должна была, по ихъ понятіямъ, совмѣщаться въ одномъ лицѣ, во всѣхъ отношеніяхъ.

При выработкѣ этого положенія объ управлениі Туркестанскимъ краемъ русскими властями ошибочно была принята за руководящее

¹⁾ Къ тому же отрицательной нравственности.

²⁾ Вѣрнѣе, въ руки переводчиковъ—лицъ большей частью сомнительной нравственности.

основание мысль, что шарлатъ въ жизни мусульманъ, которая до мелочей регламентирована этимъ шарлатомъ, является силой, съ которой надобно было бороться. Къ этому присоединилась другая неправильная мысль: въ цѣляхъ наиболѣе быстраго обрусѣнія края, бороться съ мусульманиномъ на почвѣ религіи и принять всѣ усиія къ обращенію мусульманъ въ православіе. Послѣднее признавалось единственнымъ средствомъ къ сліянію побѣженныхъ съ побѣдителями. Если бы съ самаго начала вопросъ былъ поставленъ правильно: кто лучше для насъ—истинный ли преданный намъ мусульманинъ, или же мусульманинъ оцивилизовавшійся, мусульманинъ-ренегатъ, то этимъ, быть можетъ, были бы устраниены всѣ дальнѣйшія столкновенія мусульманъ съ нашей административной властью въ краѣ. Быть можетъ, генералъ Кауфманъ былъ правъ, выставляя себя врагомъ того, чтобы туземцы Туркестана принимали православіе.

Въ опроверженіе моихъ словъ могутъ возразить, что мусульманство, имѣя въ своемъ корнѣ ученіе борьбы съ невѣрными, являлось для насъ элементомъ крайне вреднымъ, съ которымъ необходимо было бороться, ограничивать его распространеніе и стремиться къ постепенному сліянію мусульманства съ русской народностью при посредствѣ именно религіи. Въ опроверженіе этого можно представить то, что у насъ въ армїи до настоящаго времени состоять на службѣ офицеры-мусульмане, слѣдовательно, по своей религіи, обязаны войной съ невѣрными, т. е. съ русскими, въ рядахъ которыхъ они служатъ; между тѣмъ никому въ голову не придетъ заподозрѣть ихъ въ какой-либо ненадежности, исповѣданіе же ими мусульманства можетъ послужить только лучшимъ доказательствомъ того, что на этихъ людей можно вполнѣ положиться, такъ какъ кто измѣняетъ религіи, для того ничего неѣтъ болѣе, чему бы онъ не измѣнилъ.

Наконецъ, чѣмъ объяснить заявленіе генералъ-адъютанта Кауфмана въ проекцѣ своего всеподданѣйшаго отчета, что населеніе средне-азіатскихъ ханствъ приходится сдерживать отъ слишкомъ сильнаго тяготѣнія къ намъ? Чѣмъ объяснить донесеніе нашего императорскаго консула въ Кашгарѣ, что тамошніе мусульмане удивляются безумію жителей Ферганы, возставшихъ противъ власти, давшей имъ спокойствіе и благосостояніе? Чѣмъ наконецъ объяснить свидѣтельства о тяготѣніи къ намъ афганскаго Туркестана и Бадахшана? Развѣ это не тѣ же мусульмане, знающіе, что они симпатизируютъ невѣрнымъ-кафирамъ вопреки своей религіи, повелѣвающей нещадно избивать невѣрныхъ для распространенія ислама. Нѣтъ? Корень недоразумѣній лежитъ глубже и ограничиваться, при изысканіи причинъ къ обоюднымъ недоразумѣніямъ, поверхностнымъ-фанатизмомъ, это значитъ никогда не узнать истинныхъ причинъ и не устранить ихъ, а въ будущемъ предоставить

законную почву для повторения эпизодовъ, подобныхъ андижанской катастрофѣ. Наконецъ, самое сліяніе вновь завоеванныхъ мусульманскихъ областей съ русскими могло быть совершено, но для этого потребны были не десятилѣтія, а болѣе продолжительный срокъ, и исторія доказываетъ, насколько гибельны бываютъ стремленія людей произвести въ кратчайшій срокъ коренные реформы тамъ, гдѣ принятый образъ правленія образовывался вѣками.

Я не считаю себя лицомъ компетентнымъ въ такихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, какъ выработка наиболѣе цѣлесообразного управленія Туркестанскимъ краемъ; я только задаюсь мыслью, дѣйствительно ли одинъ фанатизмъ мусульманъ былъ причиной во всѣхъ туркестанскихъ неурядицахъ, или же здѣсь крылись причины, исходящія непосредственно отъ насть.

Ставъ при оцѣнкѣ андижанского события на нѣсколько иную точку зрѣнія, можно допустить, что наша администрація, которая одна почти понесла всѣ укоры за происшедшее, если и виновата въ чемъ-либо, то наименѣе всего въ томъ, что не предупредила андижанской катастрофы.

За происшедшее понести суровую кару бывшій въ то время ферганскимъ губернаторомъ генералъ Повало-Швейковскій.

Высшая административная власть въ краѣ, обозрѣвая дѣятельность губернатора въ излагаемомъ событий, именно поставила ему въ вину, что генераломъ не была своевременно замѣчена и предупреждена подготовка восстанія, занявшая, повидимому, предварительно много времени.

Кажется, что если этотъ упрекъ и справедливъ, то не только по отношенію къ одному генералу Повало-Швейковскому. Въ докладѣ по сему генералъ Повало-Швейковскій выставлялся: совершилъ незнакомымъ съ мусульманствомъ, по невыдержанному своему характеру не подходящимъ для трудной роли губернатора и др. Оказалось, что пятилѣтняя дѣятельность Повало-Швейковскаго съ его без tactными отношеніями къ главнымъ сотрудникамъ, особенно къ уѣзднымъ начальникамъ, *намѣренно и лено*¹⁾ передъ населеніемъ дискредитированнымъ въ ихъ власти, постепенно растворяла двери движенію мусульманскихъ народовъ. Въ заключеніе даже ходатайствовалось объ объявленіи Повало-Швейковскому, уже уволенному отъ службы, высочайшаго выговора въ приказѣ по военному вѣдомству. Идя ниже, строго разбирались дѣйствія въ данномъ событии уѣздныхъ начальниковъ и одного изъ нихъ, въ наказаніе, предлагали даже перевести въ строй на соответствующую его чину должность. Вотъ до чего доходило увлеченіе въ желаніи возможно точнѣе опредѣлить причины происшедшей катастрофы. Между тѣмъ несомнѣнно было дознано, что предупрежде-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

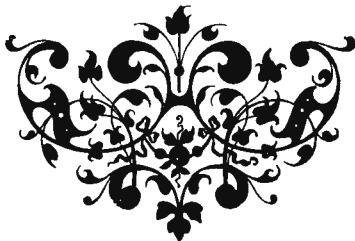
нія о готовящемся восстании администрация не получала по причинѣ строгой тайны, въ которой держались всѣ приготовленія; эти предупрежденія были получены лишь наканунѣ 17 мая; если бы не нѣкоторыя несчастныя обстоятельства, о которыхъ упомянуть я здѣсь не буду, можно было бы, несмотря и на такое позднее предупрежденіе, предотвратить катастрофу. Во всякомъ случаѣ, благодаря распорядительности уѣзднаго начальника, не состоялось нападеніе на Ошъ. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что броженія туземнаго элемента и его ненадежность были не новостью, и слухи, сопровождаемые донесеніями, получались часто, но почти всегда эти слухи оставались лишь слухами; точно также и въ этомъ случаѣ никто не предполагалъ, чтобы этотъ миѳ перешелъ въ дѣйствительность.

Нельзя сильно винить нашу администрацію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи массу обязанностей и ничтожныя средства, мало знакомую съ бытомъ и внутреннимъ міромъ туземнаго населенія.

Но тогда почему же не назначить въ составъ администраціи людей знающихъ, опытныхъ?

Трудно добыть то, чего нѣтъ! Нѣтъ у насъ людей, знающихъ хорошо духовный міръ мусульманина; мало администраторовъ, пригодныхъ для совершенно (увы!) невѣдомаго намъ Туркестана.

С. Товъ.

душъ. Но и въ этомъ отношеніи необходимо предварительное изученіе края и земельное устройство его коренного населенія.

Къ десятилѣтію андижанской рѣзни.

(1898—1908 г.)

Десятилѣтіе андижанского восстания ознаменовалось появленіемъ на страницахъ *Исторического Вѣстника** (1908. Май) весьма интересной статьи С. Т—ова «Андижанское восстание и его причины». Подъ псевдонимомъ легко узять видного туркестанского дѣятеля, знающаго Фергану не по наслышкѣ, и потому статья заслуживаетъ еще большаго вниманія.

Въ началѣ своей статьи почтенный авторъ отводитъ мѣсто изложенію фактической стороны событія, известнаго подъ именемъ андижанского восстания 18 мая 1898 года, и вовставливаетъ еще многимъ памятныя подробности «гававата», объявленаго Минъ тюбинскимъ ишаномъ Мадали.

Охарактеризовавъ личность Мадали и выяснивъ его значеніе въ глазахъ простого народа, авторъ приводить и переводъ текста воззванія, съ которымъ ишанъ обратился къ народу. Воззваніе это имѣло значеніе клятвеннаго обѣщанія помочь дѣлу, начатому ишаномъ, и весьма характерно по своему изложению.

Описанія восстания авторъ заканчиваетъ словами: «такимъ образомъ, изъ изложенного можно видѣть, что андижанская рѣзня была лишь незначительнымъ проявленіемъ широко задуманнаго плана сверженія русскаго владычества въ Ферганѣ».

«Свободолюбивое, какъ вообще всѣ народы, населяющіе горы и предгорья, населеніе Ферганы попыталось лишнѣй разъ напрячь свои силы, чтобы освободить себѣ отъ чего то тяжелаго, что не укладывалось одновременно съ жизнью мусульманина».

«Что же это за цѣпи, которыя пытались сбросить съ себя жители Ферганы; явилось ли это, какъ слѣдствіе фанатизма изувѣровъ, или же иныхъ причинъ?»

Разсматривая далѣе офиціальные документы по разслѣдованію описываемаго

событія, авторъ находитъ, что общій выводъ, «что несмотря на всѣ выгоды, которыя даетъ туземцамъ наше господство въ Средней Азіи, едва-ли туземное населеніе въ состояніи помириться съ нашимъ владычествомъ и врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ сліяніе его въ чувствахъ преданности Государю и государству съ остальнымъ народомъ русскимъ, что общій выводъ этотъ слѣдуетъ признать заключеніемъ нѣсколько поспѣшнымъ, не обоснованнымъ».

Оговорившись, что точное выясненіе внутренникъ и истинныхъ причинъ восстания—дѣло не легкое, авторъ пытается сдѣлать въ этомъ направленіи хотя то, что возможно.

Фанатизмъ авторъ считаетъ «скорѣе всего средствомъ, а не цѣлью; фанатизмъ былъ побочной причиной, за которой слѣдовало искать другихъ—истинныхъ причинъ недовольства мусульманъ».

«На допросахъ своихъ ишанъ показывали, что его постоянно беспокоила сильная порча нравовъ въ народѣ, которая, насколько можно было понять, выражалась въ развратѣ, пьянствѣ, азартныхъ играхъ, въ ослабленіи семейныхъ началъ и въ разнообразныхъ отступленіяхъ отъ требованій и законовъ шариата. Замѣчая все это, ишанъ описывалъ подробнѣ положеніе дѣлъ въ Ферганѣ турецкому султану и, скорбя душой, будто-бы, просилъ его вступничества передъ нашимъ Императоромъ о приятии мѣръ къ возстановленію жизни по шариату, опасаясь, чтобы уклоненіе отъ сего «не вызвало гнева Божія на русскія власти».

Вотъ изъ устъ руководителя восстания въ такой формѣ мы слышимъ протестъ противъ нежелательныхъ перемѣнъ, внѣсенныхъ въ край русскими. Это обвиненіе не разъ приходилось выслушивать отъ

*) *Исторический Вѣстникъ* 1908 г. май стр. 659—670.

знакомыхъ туземцевъ всякому русскому, долго живущему въ краѣ. «Вы дали намъ пьянство, узаконили существование домовъ терпимости, ослабили въ народѣ страхъ передъ «преступлениемъ», говорятъ наши обвинители.

Нельзя поэтому не согласиться съ авторомъ разбираемой статьи, цитирующемъ показанія ишана Мадали, что ослабленіе въ краѣ нравственности, или, вѣраѣ, порядка и благородства, въ рукахъ ишана Мадали явилось могучимъ средствомъ и значительнымъ поводомъ для борьбы противъ русского владычества.

Самъ съ дѣлами строгій исполнитель всѣхъ требованій шаріата, ишанъ Мадали прибавилъ къ своей святости и чудеса, о которыхъ почему-то совершенно не упоминаетъ С. Т—овъ въ своей статьѣ, и хорошо воспользовался для своего дѣла общимъ недовольствомъ нашихъ мусульманъ, наблюдающихъ растлѣніе нравовъ, порчу нравственности.

Глетворное, крайне нежелательное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжное влияніе культурной націи на менѣе устойчивые элементы некультурной націи въ дурную сторону несомнѣнно составляется весьма серьезную причину недовольства туземцевъ новыми порядками, вошедшими въ ихъ жизнь съ присоединеніемъ края къ Россіи, а, между прочимъ, на эту сторону нашего вліянія на местное населеніе обращалось въ общемъ мало вниманія.

Безусловная трезвость и отсутствіе легализованной проституціи—это два самыхъ твердыхъ устоя жизни по шаріату.

Мусульмане больше всего цѣнятъ эти устои, какъ залогъ здоровья націи и средство противъ ея вырожденія.

Между тѣмъ, именно по поводу этихъ сторонъ общественной жизни у насъ, русскихъ, не составилось еще одного непоколебимаго взгляда, сводящагося къ поддержкѣ устоевъ шаріата, полезныхъ не только мусульманамъ, а и нашему православному народонаселенію края. Трезвость и воздержаніе—основные требованія шаріата, освященные вѣковымъ обычаемъ.

Возвратимся однако, къ интересной статьѣ С. Т—ова.

«Завоевавъ Туркестанъ, русскіе встрѣтили малознакомый имъ міръ—міръ мусульманскій; необходимъ былъ опытный государственный умъ, который далъ бы сразу надлежащее направленіе будущему управлению новымъ краемъ, управлению, строго согласованному съ бытомъ, религіей и вѣрованіемъ вновь покоренного народа. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ, первый туркестанскій генералъ-губернаторъ, сознавалъ вполнѣ важность подобнаго вопроса и слѣдствіемъ сего явилось положеніе объ управлении краемъ, введенное въ 1867 году; наименовавъ управление края «военно народнымъ», генералъ Кауфманъ видѣлъ, что русскимъ нѣть никакой надобности ломать вѣковые обычаи въ жизни и управлениіи мусульманскаго народа, а потому, сохранивъ за русской администрацией лишь высшій контроль по наблюденію въ краѣ русскихъ интересовъ, частности предоставилъ самимъ туземцамъ. Хотя въ его управлениі были тѣ же уѣздные начальники, что и нынѣ, но дѣятельность ихъ опиралась на болѣе прочные устои, чѣмъ теперь; она (то есть дѣятельность) находила полезную помощь въ административныхъ лицахъ, выбранныхъ изъ надежныхъ туземцевъ, съ хорошими окладами содержанія и съ сохраненіемъ управления вполнѣ по упрочившемуся вѣкамъ шаріату».

Одѣнивъ такъ «положеніе 1867 года», С. Т—овъ рѣзко критикуетъ послѣдовавшее затѣмъ положеніе 1886 года и находитъ, что этотъ новый законъ «изъялъ изъ участія въ управлениі туземный элементъ, передавъ это дѣло исключительно въ русскія руки».

Нельзя согласиться съ такимъ заключеніемъ автора, потому что положеніе 1886 года частности управлениія народомъ вполнѣ предоставляетъ выборнымъ волостнымъ управителямъ, старшинамъ, арыкъ аксакаламъ, мирабамъ и т. п. должностнымъ лицамъ и, по прежнему, только высшій контроль остается въ рукахъ русскихъ.

Но совершенно правильно упоминаетъ

авторъ, что по положению, 1886 года высший контроль надъ туземною жизнью перешелъ въ руки участковыхъ приставовъ—русскихъ офицеровъ, лишь съ переводчиками при управлении изъ туземцевъ.

Это замѣчаніе совершенно вѣрно и нельзя не пожалѣть, что въ составѣ русской администраціи мы встрѣчаемъ такъ мало лицъ, могущихъ обойтись безъ переводчика въ сношеніяхъ съ подвѣдомственнымъ имъ народомъ. Помимо удобствъ въ объясненіяхъ, только возможность непосредственного общенія туземцевъ съ управляющими ими начальниками можетъ установить между сторонами взаимное уваженіе и довѣріе. Помѣдство переводчиковъ сильно осложняетъ взаимныя отношенія.

Далѣе авторъ указываетъ, что русскія власти съ 1886 года принялись бороться съ шаріатомъ и даже приняли мѣры къ обрусью туземцевъ путемъ обращенія мусульманъ въ православіе.

Не отрицая нѣкоторой тенденціи къ борьбѣ съ шаріатомъ, которую можно усмотрѣть, напримѣръ, въ отношеніи къ народному суду по противу шаріатнымъ преступкамъ, не наказуемымъ по русскому закону, нельзя признать справедливость укора автора властямъ за якобы миссионерскія поползновенія.

Обращенію въ православіе мусульманъ никто изъ служащихъ въ Туркестанѣ никогда не придавалъ серьезнаго значенія, да и можно-ли было придавать какое либо значеніе тѣмъ единичнымъ случаямъ, которыхъ и десятка нельзя насчитать на протяженіи послѣдней четверти вѣка въ жизни русскаго Туркестана.

Дѣйствительно были случаи, что мусульмане сами обращались къ русскимъ съ просьбою помочь имъ перемѣнить религию, но въ большинствѣ случаевъ это были люди безъ всякаго положенія въ мусульманскомъ обществѣ, даже иногда душевно-больные. Такой субъектъ, не находя себѣ пристанища среди единовѣрцевъ, самъ шелъ къ русскимъ въ надеждѣ, что перемѣна религіи обезпечить

ему, возможность безпечального житія среди новыхъ единовѣрцевъ. Были случаи, что и крестили такихъ неофитовъ, но дать имъ того, что имъ хотѣлось, переходъ въ православіе не могъ, не могли мы принять на полное содержаніе профессионального лѣнтя-ренегата и потому надежды крестившагося не осуществлялись.

Гдѣ теперь эти немногіе новокрещеные, твердо-ли они держатъ безсознательно принятую вѣру, или отпали—Богъ вѣсть, да я думаю это въ сущности и все равно, потому-что не дороги для правосла-

вія такие безсознательные исповѣдники. Я хочу только сказать, что ошибается С. Т—овъ, не принимали мы мѣръ къ обращенію мусульманъ въ православіе, а если нѣкоторые изъ туземцевъ и измѣнили Исламу, то не по винѣ мѣстной администраціи.

Переходя дальше къ выясненію причинъ аудианскаго возстанія, авторъ говоритъ, между прочимъ: «нельзя сильно винить нашу администрацію, имѣвшую въ своемъ распоряженіи массу обязанностей и ничтожныя средства, мало значимую съ бытомъ и внутреннимъ міромъ туземнаго населенія.

«Но тогда почему-же не назначить въ составѣ администраціи людей знающихъ, опытныхъ?

«Трудно добыть то, чего нѣтъ! Нѣтъ у насъ людей, знающихъ хорошо духовный міръ мусульманина, мало администраторовъ, пригодныхъ для совершенно (увы!) невѣдомаго намъ Туркестана».

Этими печальными словами авторъ и заканчиваетъ свое описание десять лѣтъ тому назадъ случившагося прискорбнаго явленія, но сказать, чтобы изъ статьи С. Т—ова ярко выступили и причины возстанія—нельзя. Авторъ, впрочемъ, и самъ неоднократно оговаривается въ текстѣ, что точно указать причину возстанія онъ не можетъ.

А надо-бы указать, прошло уже 10 лѣтъ со времени событий, Туркестанскій край съ тѣхъ поръ немало пережилъ и нынѣ готовится, въ качествѣ вполнѣ за-

миренной окраины, перейти въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ т. е. совершенно утратить всю «военно-народность» своего управления и сдѣлаться рядовой губерніей нашего обширнаго отечества.

С. Т—овъ, въ общемъ отрицая доминирующее значеніе мусульманскаго фанатизма для движенія, созданаго ишаномъ Мадали въ 1898 году, признаетъ значеніе упадка нравственности въ населеніи и непригодность личнаго состава администраціи. Вотъ двѣ причины возстанія, вытекающія изъ содержанія статьи С. Т—ова.

Такъ какъ причины воастанія тѣсно связаны съ дефектами нашего управления краемъ, то позволимъ себѣ вкратцѣ дополнить изложеніе автора тѣми причинами, которыя, по нашему мнѣнію, вызвали прискорбное явленіе и продолжаютъ неблагопріятно вліять на установление въ краѣ между русскими и туземцами добрыхъ сосѣдскихъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи.

Огрицать мусульманскій религіозный фанатизмъ нельзя. Чувство недовольства иновѣрнымъ правительствомъ, или, лучше сказать, недовольство подчиненнымъ такому правительству положеніемъ всегда жило и будетъ жить въ народномъ сознаніи уже потому, что Исламъ, трактуя обѣ отношенияхъ между мусульманами побѣдителями и побѣженными иновѣрцами (зимміи), ни однимъ словомъ не говоритъ о томъ, какъ побѣженные мусульмане должны относиться къ побѣдителямъ иновѣрцамъ. Этого вовсе не предполагалось и потому такія отношенія не регламентированы.

При такихъ условіяхъ ожидать любви и преданности было-бы наивно, а потому необходимо наши взаимныя отношенія строить только на взаимной выгодѣ, а выгоду отъ сношеній съ русскими хорошо сознаетъ наиболѣе важиточная и просвѣщенная часть мусульманскаго общества.

Необходимо разъ на всегда установить для общей работы въ краѣ незыбле-

мые руководящіе взгляды, которые отнюдь не измѣнялись бы въ зависимости отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ высшихъ въ краѣ начальниковъ. Этого до настоящаго времени не замѣчалось и взглядъ, напримѣръ, на такой серьезный вопросъ, какъ примѣненіе выборнаго начала для комплектованія низшихъ должностныхъ лицъ туземной администраціи, уже неоднократно измѣнялся среди русскихъ администраторовъ.

Если обрученіе, хотя-бы нѣсколько насилиственное, поставлено будетъ цѣлью нашей здѣсь политики, тогда всѣмъ и нужно дѣйствовать солидарно, въ одномъ и томъ-же направленіи прилагая усилия.

Если же восторжествуетъ взглядъ, высказанный почтеннымъ авторомъ разбираемой статьи, что въ нашихъ интересахъ поддержать укладъ жизни туземцевъ, сложившійся вѣками подъ влияниемъ шариата, и дать ему естественнымъ образомъ переживать эволюцію перехода къ другому строю, то опять-таки повсемѣстно уже надо держаться однихъ и тѣхъ-же приемовъ, направленныхъ къ общей цѣли.

Въ наше-же время не рѣдки случаи, что «всякъ молодецъ, на свой образецъ» дѣйствуетъ и вокругъ себя создаетъ атмосферу политики, зависящей отъ личныхъ взглядовъ. Такъ дѣлать нельзя, потому что населеніе инертно и приспособляется къ разнымъ предъявляемымъ ему требованіямъ не можетъ; перемѣны такой местной политики болѣзньенно переживаютъ туземцы съ пріѣздомъ новаго участковаго пристава, или уѣзднаго начальника.

Въ виду того, что, какъ мы сказали выше, съ фанатизмомъ туземцевъ надо считаться, необходимо имѣть въ краѣ приспособленную къ дѣлу администрацию и притомъ постараться поставить ее поближе къ управляемому народу.

Администрація должна быть русская, непремѣнно русская, въ должностяхъ, начиная съ полицейскаго пристава, но личный составъ долженъ быть тщательно подобранъ и хорошо обставленъ.

Тщательно подобрать составъ администраціи при настоящихъ условіяхъ жизни можно только значительно увеличивъ содержаніе, но за то повысивъ и требованія, предъявляемыя къ тѣмъ лицамъ, которые пожелають занять административныя должностіи.

Человѣкъ, идущій на эту службу, долженъ посвятить себя дѣлу всецѣло, долженъ быть достаточно подготовленъ теоретически, знать хорошо туземный языкъ и обладать соотвѣтствующимъ характеромъ и тактомъ, будучи свободенъ отъ человѣческихъ слабостей вродѣ алкоголизма, пристрастія къ картамъ и т. п.

Искать такого человѣка необходимо, потому-что безъ перечисленныхъ качествъ человѣкъ не въ состояніи нести въ краѣ отвѣтственной и трудной службы по администраціи. Для картъ и выпивки, напримѣръ, у добросовѣстнаго служащаго положительно нѣтъ времени, если онъ не урветъ его отъ служебныхъ занятій, которые не кончаются круглыми сутками.

Всякое отступленіе отъ выше приведенаго типа служащаго есть уже минусъ, это отступленіе наносить серьезный ущербъ важному дѣлу.

С. Т—овъ говоритъ въ своей статьѣ, что трудно найти такихъ людей; совершенно вѣрно, но это зависитъ только отъ того, что современное вознагражденіе служащихъ въ администраціи, при дорогоизвѣтѣ жизни, мало разнится, напримѣръ, отъ вознагражденія строевыхъ офицеровъ, а потому въ администрацію переходятъ немногіе и выборъ подходящихъ лицъ, съ предъявленіемъ къ ищущимъ административной службы лицамъ строгихъ требованій, становится немыслимъ.

Раньше, когда вознагражденіе строевыхъ офицеровъ значительно уступало содержанію административныхъ служащихъ, на должность участковаго пристава легко было подыскать артиллерійскаго капитана, отлично рекомендованнаго, кончившаго курсъ военнаго училища и настолько развитого, что онъ безъ труда могъ очень быстро освоиться съ новыми для него условіями административной

службы; изъ этого контингента комплектовались затѣмъ дѣльные уѣздные начальники, интересовавшіеся дѣломъ и не щадившіе силъ для добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей.

Когда въ войскахъ стали постепенно увеличивать оклады содержанія офицерамъ, а наши административные оклады все оставались въ прежнемъ размѣрѣ, тогда, конечно, уменьшилось число желающихъ служить въ администраціи и на эту службу пошли люди съ меньшимъ образовательнымъ цензомъ, менѣе прагодные къ новому дѣлу. Особенно это можно прослѣдить за послѣдніе 10 лѣтъ, съ того времени, какъ значительно увеличилось число должностей участковыхъ приставовъ и замедлилось движеніе по службѣ, такъ какъ число уѣздовъ не увеличилось.

Выходитъ, что теперь содержаніе администраціи даютъ небольшое по сравненію съ строевыми офицерами и надо прибавить содержаніе и тогда тщательно подбирать составъ администраціи.

Районы, находящіеся въ завѣдываніи участковыхъ приставовъ, надо уменьшить до 3 волостей въ участкѣ, какъ я неоднократно обѣ этомъ писалъ раньше и поставить участковаго пристава близко къ населенію, устранивъ передаточную инстанцію въ лицѣ волостного управителя, предоставивъ приставу небольшого участка въ 3 волости лично распоряжаться черезъ близкихъ народу сельскихъ старшинъ и вслѣдствіе этого коротко знакомиться съ жизнью населенія небольшого участка.

Тщательно выбравъ человѣка для службы въ администраціи, безъ всякихъ протекцій и рекомендаций знакомыхъ, необходимо предъявлять самыя строгія требованія, но за то облечь и довѣріемъ служащаго, не дискредитируя его передъ населеніемъ, поддерживая за нимъ то значеніе, какое необходимо ему для того, чтобы населеніе его слушалось и вѣрило ему.

Каждый администраторъ желательного типа долженъ быть подвиженъ, долженъ имѣть полную возможность почаще обѣ-

важать свой районъ и, гдѣ только можно, отправлять всѣ свои функции на мѣстѣ.

Современный администраторъ отъ губернатора и до участковаго пристава лишенъ этой подвижности изъ-за канцеляріи. Современного уѣзднаго начальника скорѣе можно назвать «регистраторомъ», чѣмъ администраторомъ, такое важное значеніе въ его службѣ играетъ канцелярія, такъ много дорогого времени снѣ долженъ посвящать разборкѣ бумагъ и писанію собственноручно болѣе серьезныхъ донесеній и объясненій.

Еще въ худшемъ положеніи находится участковый приставъ, у которого нѣть даже штатнаго письмоводителя, которому можно было бы поручить исполненіе и въ отсутствіе пристава текущей переписки. Уѣхалъ приставъ въ участокъ, дома копится бумажная гора, которую приходится спѣшно разрывать по возврашеніи. Можно-ли при такихъ условіяхъ обвинять приставовъ, которые какъ бы линные «сидни» не оставляютъ кресла въ своей канцеляріи и выѣзжаютъ въ участокъ только «на мертвя тѣла».

Необходимо принять самыя энергичныя мѣры къ сокращенію переписки, дать приставамъ штатныхъ, отвѣтственныхъ письмоводителей и потребовать отъ каждого администратора службы въ движении, а не на мѣстѣ.

Много лѣтъ подрядъ я настойчиво провожу мысль о необходимости описанія участковъ, уѣздовъ и областей во всѣхъ отношеніяхъ, по самой подробной программѣ. Дѣло это настолько важно, что, казалось-бы, по нему не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній, но всѣ мои доводы не могутъ убѣдить власть имущихъ, и районы, быть туземцевъ остаются не изслѣдованными, а вновь занимающія административныя должности лица всегда начинаютъ съ начала ознакомленіе съ своимъ участкомъ съ тѣмъ, чтобы, уходя съ одной должности на другую, не передать своему замѣстителю ровно никакихъ свѣдѣній объ участкѣ и предоставить новичку продолжать снова всю работу по

изученію участка и унести, въ свою очередь, массу свѣдѣній, запечатлѣвшихся только въ памяти изучавшаго.

Развѣ можно спорить противъ необходимости текущаго дѣльного описанія участковъ, когда закономъ требуется въ Россіи описание становъ отъ становыхъ приставовъ. Здѣсь вѣдь не родное намъ сравнительно однообразное населеніе губерній внутренней Россіи, здѣсь, какъ выражается С. Т—овъ «(увы!) невѣдомый намъ Туркестанъ».

Изученіе края во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ необходимость, а не роскошь, изученіе бытовыхъ условій жизни туземнаго населенія составляетъ первѣшую

обязанность всего личаго состава русской администраціи въ краѣ, а много-ли сдѣлано въ этомъ направленіи, достаточно-ли сдѣлано.

При генералѣ Духовскомъ начали было издавать сборники материаловъ по мусульманству, но такъ какъ на это дѣло не нашлось необходимыхъ средствъ, то, перепечатавъ нѣсколько даровыхъ работы, прекратили изданіе, а между тѣмъ нельзя отрицать, что особый органъ для помѣщенія всевозможныхъ материаловъ по изученію края могъ-бы сопоставить краю серьезную службу, объединивъ на своихъ столбцахъ всѣ работы по туркестановѣдѣнію.

Огчасти цѣли этой служить *Туркестанская Вѣдомость* и служить добросовѣстно, но вѣдь это газета, которой вѣкъ коротокъ, какъ у бабочки. Нельзя поэтомъ ограничиваться газетой, нужна книга, где сосредоточивались бы всѣ свѣдѣнія о краѣ, добытыя мѣстными дѣятелями, и где всѣ эти свѣдѣнія могъ-бы найти всякий, желающій, напримѣръ, передъ вступлениемъ въ ряды администраціи ознакомиться съ тѣмъ, что раньше его бывшіе наблюдали и изучали.

Ничего этого у насъ нѣтъ, нѣть даже периодическихъ съѣздовъ административныхъ служащихъ, где могли-бы люди сообща обсудить подробности своего дѣла, говориться по многимъ, возникающимъ у каждого, сомнѣніямъ. Ничего вы

шеноименованного въ нашемъ распоряжении нѣть и право трудно даже желающему ознакомиться со всѣми материалами по изученію края, разбросанными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Я самъ, со времени перехода на службу въ администрацію, принялъ за правило по возможности каждое свое наблюдение печатать въ одной изъ мѣстныхъ газетъ и за 20 лѣтъ службы въ администраціи у меня накопилось 11 объемистыхъ томовъ газетныхъ вырѣзокъ исключительно моихъ собственныхъ работъ. Однако, какую пользу можетъ принести другому мое собраніе, свято хранимое, какъ всякая цпса, и которымъ только я и могу пользоваться! А всѣ статьи, въ разное время напечатанныя въ газетахъ и сборникахъ, теперь найти почти невозможно, да и какъ ихъ искать?

Со времени назначенія на должность уѣзднаго начальника, я такъ-же старательно собираю изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій печатныя извѣстія, касающіяся Ходжентскаго уѣзда, но положительно лишены всякой возможности хоть сколько-нибудь обработать собираемый сырой материалъ. И времени на эту работу не выберешь, да и напечатать по томъ негдѣ годовой обзоръ жизни малому интереснаго уѣзда, для этого нуженъ особый специальный органъ.

Конечно, и всѣ вышеприведенные дефекты приемовъ нашего управлениія краемъ не исчерпываются всего того, что желательно было бы измѣнить къ лучшему. Все это вѣроятно *lege artis* подмѣтить и зашипеть предстоящая сенаторская ревизія, а теперь, въ значительной мѣрѣ высказавшись о желательныхъ перемѣнахъ, приходится всетаки возвратиться къ недосказанному, на нашъ взглядъ, С. Т—овымъ по поводу причинъ андижанскаго возстанія 1898 года.

На первомъ планѣ въ ряду причинъ прискорбнаго событія я поставилъ-бы полное невѣжество туземнаго населенія и особенную дикость киргизскаго населенія Ферганы, гораздо менѣе культурнаго, чѣмъ долинные сарти и болѣе склоннаго къ

грабежамъ и разбоямъ.

Это населеніе, по своей дикости, представляеть наиболѣе горючій материалъ для религіозной и всякой другой агитации. Только на такую малокультурную массу могъ такъ удачно воздѣйствовать Минь-тюбинскій ишанъ Мадали, только этихъ людей онъ могъ обмануть своими же чудесами, вродѣ варенія слова безъ огня, или угадыванія изъ своей гостиной кто идетъ къ нему и что несетъ въ даръ ишану. Первая причина, значитъ, тьма духовная, царящая среди нашего туземнаго и особенно киргизскаго населенія.

Вторая—мусульманскій фанатизмъ, создающій удобную почву для объявленія «газавата» на всякъ мѣстѣ и во всякое удобное время.

Третья—значительная власть, сосредоточенная въ рукахъ не испытанныхъ въ преданности русскимъ интересамъ волостныхъ управителей. (Вѣдь приложили же вѣкоторые должностные лица свои печати къ мятежному воззванію ишана Мадали!)

Четвертая и самая главная причина—это разстояніе, отдѣляющее русскую администрацію отъ непосредственныхъ сношеній и непосредственного воздействиія на туземное населеніе. Уничтожить это разстояніе, разбить каменную стѣну, закрывающую жизнь народа отъ глазъ управляющихъ, и составляетъ главную нашу, неотложную задачу, а что для этого надо сдѣлать, отчасти сказано выше, а отчасти, вѣроятно, выскажутъ еще многіе, кто не откажется сообщить по этому вопросу свои наблюденія и сображенія.

Одно только можно сказать въ заключеніе, что Туркестанскій край въ теперешнемъ его состояніи никоимъ образомъ нельзя еще считать вполнѣ слившейся съ метрополіей окраиной и что далеко не пришло еще время подводить условія жизни въ краѣ подъ общія правила, годные для внутренней Россіи.

Въ Туркестанѣ и до нашихъ дней еще такъ много неизвѣданного и самобытнаго, что интересующимся изученіемъ бы-

тowychъ условий жизни туземного населения остается еще непочатый край трудной усидчивой работы, которая, въ концѣ концовъ, должна дать въ результаѣ взаимное близкое знакомство русскихъ, живущихъ въ краѣ, съ населяющими край туземцами, а вѣдь только короткое знакомство можетъ внушить взаимное пониманіе и взаимное довѣріе.

Туземцы народъ осторожный, они все-го боятся, всякаго подозрѣвають въ недостаткѣ искренности.

Какъ клинъ можно вышибить только клиномъ, такъ и эту, нашитую вѣками, подозрительность народа можно парализовать только искреннимъ, сердечнымъ отношеніемъ къ завоеванному нами народу, а противъ такой силы, какъ искренность и доброжелательство, не устоить ни мусульманскій фанатизмъ, ни кость туземного населенія.

Нужна только хорошо обдуманная программа дѣйствій, точное ея выполненіе на всемъ протяженіи Туркестанскаго края и справедливость, справедливость прежде всего.

Н. С. Лыкошинъ.